

Это место было слишком уязвимым. Цзян Сяои продолжал тереть с прежней силой, и Бай Цзыму показалось, что его шары вот-вот взорвутся.

«Чёрт возьми, этот гэ'эр... он осмелился лапать его ниже пояса!»

«Неужели нужно быть таким зверем? Даже медведя не пощадил?»

Если бы Цзян Сяои и раньше так мыл его, он бы не придал этому значения. Но в прошлые разы всё было как будто в шутку: он кое-как тёр его и тут же вытаскивал из воды. Совсем не так, как сегодня.

«Какое там пробуждение совести. Это пробуждение зверя!»

Когда Цзян Сяои снова принялся тереть его сокровище, Бай Цзыму очнулся от шока и тут же начал отчаянно вырываться, отталкивая его руки.

«Ямэтэ, ямэтэ!»

— Что такое? — удивлённо спросил Цзян Сяои, подумав, что сделал ему больно.

Раньше, когда он мыл Бай Цзыму, он не был особенно тщателен. Медвежонок целыми днями либо лежал в кровати, либо играл во дворе с Цзян Сяоэром и Цзян Сяосанем. Он не валялся на земле, как собака, а по утрам даже сам умывался. Его шерсть совсем не пачкалась и выглядела чистой. Поэтому в прошлые разы Цзян Сяои просто слегка протирал ему лапы.

Сегодня же, получив от него угощение, он решил проявить усердие и хоть как-то отблагодарить. Зад нужно мыть тщательно, иначе будет пахнуть. Когда он мыл Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня, он всегда хорошенько тёр им попки.

«Может, живот спереди — место нежное, и я сделал ему больно?»

Видя, что тот прикидывается дурачком, Бай Цзыму затрясся от гнева. Он не понимал, как Цзян Сяои, облапав его шары, мог оставаться таким невозмутимым. Он вскочил.

— Что такое? Ты ещё и спрашиваешь? — ему было слишком стыдно, чтобы выговорить это вслух.

Цзян Сяои был в полном недоумении.

— Я слишком сильно нажал? Тогда я буду полегче, садись скорее.

«Да кто теперь осмелится сесть! Сядешь — и прощайся с невинностью».

Бай Цзыму открыл рот, но не успел ничего сказать. Снаружи раздался голос отца Цзяна:

— Сяои, кто там на кухне?

Бай Цзыму тут же захлопнул рот. Цзян Сяои испугался и, чувствуя себя виноватым, заморгал.

— Ни... никого!

Отец Цзян вошёл с топором в руках и оглядел кухню. Внутри был только Цзян Сяои и медвежонок в тазу. Спрятаться тут было негде. Он удивлённо пробормотал:

— Неужели мне послышалось? Мне показалось, ты с кем-то разговаривал.

Голос был похож на голос молодого парня, не его сыновей.

Дыхание Цзян Сяои сбилось. Он, притворяясь спокойным, ответил:

— Отец, тебе, наверное, послышалось! Никого здесь нет.

Отец Цзян нахмурился.

— Да нет же! Я отчётливо слышал несколько фраз.

— Может, это призрак? — предположил Цзян Сяои. — Отец, не пугай меня. Я всё время был в доме и ничего не слышал.

Отец Цзян, увидев его побледневшее лицо, тут же поправился:

— Наверное, мне и вправду послышалось. Ты моешь медвежонка холодной водой?

— Угу!

— Тогда быстрее, не простуди его.

Сказав это, отец Цзян не ушёл, а остался стоять рядом. Цзян Сяои снова усадил Бай Цзыму в

таз. Тот не смел больше дёргаться, лишь крепко прижимал лапы к своим сокровищам.

Шерсть у Бай Цзыму была густая. Цзян Сяои несколько раз протёр его выжатым полотенцем, после чего отец Цзян вынес его во двор и, усадив к себе, принялся обмахивать веером. Цзян Сяозэр и Цзян Сяосань принесли две расчёски и стали расчёсывать ему шерсть. Бай Цзыму, развалившись на коленях отца Цзяна и раскинув лапы, выглядел как настоящий барин.

«Вот она, вершина жизни. Какая красота».

Цзян Сяои помылся сам, а потом при свете луны перестирал во дворе всю сменную одежду семьи. Закончив дела, он взял Бай Цзыму и вернулся в комнату.

Бай Цзыму только собрался погрузиться в медитацию для совершенствования, как вдруг услышал его вопрос.

— Ты медведь-гэ'эр или медведь-самец?

Задав вопрос, Цзян Сяои нахмурился. У кур есть петухи и курицы. А у медведей, кроме самок и самцов, бывают медведи-гэ'эры? Ему стало любопытно.

Самец есть самец, самка есть самка, какой ещё медведь-гэ'эр! Бай Цзыму был стопроцентным мужчиной, но если он так и скажет, Цзян Сяои либо заставит его взять на себя ответственность, либо просто убьёт медведя, чтобы скрыть следы.

Он колебался. Цзян Сяои снова похлопал его по спине.

— Так какой ты медведь?

— Я... — Бай Цзыму кашлянул. — На самом деле, я всего лишь обычный, немного красивый и обаятельный мальчик. Никакой не мужчина.

Цзян Сяои застыл. «...Какой бесстыдник. Этот голос совсем не детский». Он уверенно заявил:

— Ты самец?

Бай Цзыму ответил:

— ...Угу!

Цзян Сяои сказал «о» и не отпустил Бай Цзыму из объятий.

Видя, что тот не злится и не хватается за оружие, Бай Цзыму с удивлением посмотрел на него. Цзян Сяои выглядел как обычно, в его глазах даже промелькнула улыбка.

«В современном мире люди держат котов, и никто не заставляет самцов нести ответственность за то, что они спят в одной кровати с хозяином, и не старается нарочито держать дистанцию. Но Цзян Сяои, очевидно, влюбился в него, даже не зная его истинного пола. Почему же, узнав, что он самец, он остался таким спокойным?»

«Сердце гэ'эра — как иголка на дне морском, угадать невозможно».

Цзян Сяои наклонился, их взгляды встретились.

— Ты и раньше умел говорить?

Тёплое дыхание коснулось его лица. Расстояние было слишком близким. Бай Цзыму слегка пошевелился, не смея даже взглянуть на Цзян Сяои.

После перемещения он потерял все свои силы и, естественно, не мог говорить. Его золотое ядро было разбито, меридианы повреждены, тело ослаблено до предела. Он не мог даже медитировать для совершенствования. Стоило ему попытаться направить энергию, как всё тело пронзала боль, будто по нему проехал грузовик. Иначе разве он, умирая от голода несколько дней и не имея возможности уснуть по ночам, не нашёл бы время на совершенствование? Он же не совсем безнадёжный лентяй.

Позже, когда раны немного зажили и меридианы восстановились, он смог совершенствоваться. Прозанимавшись несколько дней, он вчера решил сбежать и открыл пространственную сумку, чтобы достать пилюлю невидимости. Но в темноте нащупал пилюлю восстановления юаня. Теперь его силы частично вернулись, и он мог говорить. К сожалению, до трансформации в человека было ещё далеко.

Хотя во второй раз он взял правильную пилюлю, но то ли она слишком долго хранилась и потеряла свои свойства, то ли его тело было слишком слабым, эффект не проявился, и пройти сквозь стену не получилось.

— Так ты раньше не мог говорить! — Цзян Сяои вспомнил слова доктора Цзяна. — Значит, ты и вправду медведь?

— Я панда.

— О, значит, всё-таки медведь. Но доктор Цзян говорил, что медведи бурые. Почему у тебя только белая и чёрная шерсть?

Бай Цзыму протёр лицо лапой.

— То бурый медведь, а я — панда. Это разные вещи.

— Вот как. Ты сказал, что был ранен. Как это случилось? — снова спросил Цзян Сяои.

— Молнией ударило, — при этих словах Бай Цзыму оживился, словно давно хотел выговориться. Он изобразил что-то лапами: — Говорю тебе, та молния, что в меня ударила, была вот такой толщины, как ваша кадка для воды. Когда она на меня неслась, я чуть не помер со страху. Но, к счастью, я сильный и могучий, так что не оочурился, хе-хе.

Он выглядел очень довольным. Цзян Сяои внимательно его рассмотрел. Медвежонок был толстым и круглым. Могучим и величественным он не выглядел. Наверное, не погиб только потому, что шкура была толстой, а мяса много. Когда свинью режут, достаточно одного удара ножом в шею. А вот с Бай Цзыму... такого круглого, наверное, пришлось бы три раза пырнуть.

Цзян Сяои умел выделять главное.

— А почему молния в тебя ударила? Ты что, на чьей-то могиле пописал? Или что-то нехорошее сделал?

— Да что ты такое говоришь! — Бай Цзыму тут же возмутился и пнул Цзян Сяои. — Как ты можешь так говорить? Я что, похож на такого? Да ты знаешь, когда я выхожу, все говорят, что от меня исходит аура праведности, что я добрый и храбрый. Раньше, когда я ходил в туалет, а у соседа бумага кончалась, я ему даже любезно объяснял, как пальцами пользоваться. И имени своего не оставлял, вот какой я хороший человек.

Цзян Сяои с недоверием посмотрел на него и снова спросил:

— Так почему в тебя ударила молния?

Бай Цзыму с грустью ответил:

— Наверное, потому что я слишком красив. Нет, ты что так смотришь? Думаешь, я хвастаюсь? Я никогда не хвастаюсь. Небеса завидуют талантам, понимаешь?

Цзян Сяои обнаружил, что наглость Бай Цзыму не знает границ. Говорить такое и ни капли не смущаться.

Бай Цзыму продолжал:

— В тот момент я летел по небу. Молния ударила с небес прямо мне в спину...

— Ранена была твоя задница, — поправил его Цзян Сяои.

— Не обращай внимания на детали, — отмахнулся Бай Цзыму. — В той молнии была сокрушительная сила, очень страшная. Я даже не успел собрать энергию для защиты, как меня ударило. Но я, с моей толстой шкурой и... то есть, я сильный и могучий, поэтому выжил. А вот если бы на моём месте был такой слабак, как ты, от тебя бы и пепла не осталось.

Цзян Сяои приподнялся и, глядя на Бай Цзыму, подозрительно спросил:

— Что значит «слабак»?

— Э-э... — Бай Цзыму запнулся, его взгляд забегал. — Слабак — это такая очень худая и слабая курица...

— Посмотри на меня, — внезапно сказал Цзян Сяои.

Бай Цзыму в недоумении моргнул.

— А?

— Ты считаешь меня совсем глупым?

«Ну, есть немного».

Но этого говорить было никак нельзя.

— Как ты можешь так думать? — серьёзно сказал Бай Цзыму. — Я не позволю тебе так себя принижать.

Цзян Сяои промолчал. «...» Он поджал губы и снова спросил:

— А у тебя есть отец и мать? Братья? Или ты один медведь?

У Цзян Сяои, казалось, было сто тысяч «почему». Он болтал без умолку до глубокой ночи, пытаясь выяснить имена всех предков Бай Цзыму до восемнадцатого колена. Бай Цзыму был измотан, отвечая на его вопросы. Ему казалось, что Цзян Сяои — его тёща, которая допытывается обо всём на свете.

***

Цзян Сяои привык вставать рано. Хотя вчера они проговорили до глубокой ночи, он проснулся с первым криком петуха. Казалось, он везде хотел брать с собой Бай Цзыму. Поэтому, пока он хлопотал на кухне, Бай Цзыму лежал на обеденном столе с видом полного отчаяния.

Вчерашний рис был очень вкусным. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань наелись до отвала, да и сам Цзян Сяои не удержался и съел целых три большие миски, так что к вечеру не осталось ни рисинки.

Раньше семья Ли договаривалась с отцом Цзяном, что он придёт помогать жать рис в конце месяца. Но позавчера они передали, чтобы он приходил уже сегодня. Они думали, что рис созреет к концу месяца, но из-за жары последних дней он уже пожелтел. Если оставить его на поле, птицы и мыши много съедят. Поэтому семья Ли решила начать жатву пораньше.

Жатва — тяжёлый труд. Семья Ли хоть и обещала кормить, но угощение наверняка будет скромным: в лучшем случае по одной бататине и миске каши из диких овощей на каждого. Цзян Сяои уже помогал им и знал это.

Он насыпал полмиски риса, собираясь сварить немного каши и добавить туда тыкву. Тыква, сладкая и мягкая, отлично сочеталась с рисом. Но если добавить слишком много воды, сладости не будет.

Бай Цзыму достал из пространственной сумки ящик. Он был слишком тяжёлым, и как только Бай Цзыму протянул к нему лапы, он вместе с ящиком рухнул со стола.

Раздался оглушительный грохот. Звук был очень болезненным.

Цзян Сяои поспешно подбежал и поднял его.

— Ты в порядке?

Бай Цзыму, схватившись за зад, не мог вымолвить ни слова от боли. Казалось, он отбил себе всё на свете.

Цзян Сяои отвёл его лапы и развязал тесёмку на его поясе. Он положил Бай Цзыму себе на колени и раздвинул ему ягодицы.

— Я посмотрю, где ты ушибся. Не дёргайся, иначе я тебя ударю.

Бай Цзыму застыл. «...» У него по спине пробежал холодок.

— Всё в порядке, просто немного покраснело. Хочешь, я помассирую? — не успел Цзян Сяои договорить, как Бай Цзыму сорвался с места и спрятался за кадкой с водой, торопливо

прокричав: — Не надо! Гэ'эр Цзян, ты... ты отпусти меня! Мы не подходим...

— А! — воскликнул Цзян Сяои. — Это что такое?

На полу была рассыпана целая куча вещей. Несколько пакетов белого сахара и три упаковки молочных конфет «Ван-цзай». Молочные конфеты Цзян Сяои не узнал, к тому же они были в больших красных пакетах, так что он не понял, что это. Но белый сахар он узнал. Он видел такой в лавке, только тот сахар был не таким белым, этот же был словно снег.

Бай Цзыму, увидев, что всё его внимание переключилось на сахар, понуро замолчал.

Цзян Сяои был в восторге.

— Это сахар?

— Угу, — Бай Цзыму снова завязал тесёмку на поясе и подошёл. — Добавь немного в кашу, а то она безвкусная.

— А это что? — спросил Цзян Сяои, указывая на молочные конфеты.

— Это тоже сахар, — ответил Бай Цзыму. Он специально достал их для двух малышей.

Цзян Сяои спросил:

— Мне можно попробовать?

— Это для тебя, почему нельзя, — сказал Бай Цзыму.

Цзян Сяои попробовал одну конфету. Как только она попала в рот, сладость мгновенно заполнила всё вокруг. Это были не дешёвые сладости, не приторно-сладкие. Наоборот, у них был очень насыщенный молочный вкус.

Глаза Цзян Сяои чуть ли не засветились лазером, так они сияли. Он ел сахар раньше. В детстве, на Новый год, дома покупали немного солодового сахара, но тот был желтоватым и с лёгкой горчинкой, вкус был не таким насыщенным. А эти молочные конфеты были просто восхитительны.

Цзян Сяои был так счастлив, что его глаза почти превратились в щёлочки. Услышав от Бай Цзыму, что всё это для него, он почувствовал головокружение, словно на него с неба свалился огромный камень, и он потерял ориентацию.

«Откуда у этого медвежонка столько вкусов? И все эти вещи, на вид, недешёвые. Чем белее сахар, тем он дороже. Самый дорогой рафинированный сахар в лавке не такой белый, но и он стоит несколько десятков вэней за лян. А этот сахар выглядит лучше рафинированного, и его так много, пакетов восемь-девять...»

В прошлый раз он спрашивал его, не демон ли он. Тот ответил, что нет, он просто медведь, который умеет совершенствоваться.

«Раз умеет совершенствоваться, значит, он бессмертный. Иначе откуда у него столько хороших вещей?»

Цзян Сяои сжал кулаки, приняв твёрдое решение впредь хорошо заботиться о Бай Цыму.

«Вчера, когда я его мыл, ему, кажется, очень понравилось. Он так радовался, что всё время кричал “ямэтэ, ямэтэ”. Хотя я и не понял, что это значит, но Бай Цыму выглядел очень взволнованным. Наверное, он очень любит мыться. Тогда с сегодняшнего дня буду мыть его каждый день! Больше мне нечем его отблагодарить».

Каша с тыквой была жёлто-оранжевой. Цзян Сяои добавил половину ковша сахара. У Бай Цыму дёрнулось веко.

— Добавь ещё две ложки.

— Хватит, хватит, — сказал Цзян Сяои. Ему и от половины ковша было жалко. Это же сахар!

Бай Цыму оттолкнул его.

— Твои кулинарные таланты вызывают серьёзные опасения. Подсади меня на плиту, дай я сам.

Этот гэ'эр готовил совершенно безвкусно. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань были худыми, как облезлые обезьяны. Бай Цыму думал, что дело, во-первых, в бедности, а во-вторых, в кулинарных «талантах» Цзян Сяои. Не умереть от его стряпни — уже слава богу.

Бай Цыму добавил две ложки сахара и, взяв лопатку, начал помешивать с видом профессионального повара с двадцатилетним стажем.

Цзян Сяои моргнул. Ему показалось, что этот медведь просто невероятен. Такой маленький, а уже умеет готовить. Настоящий бессмертный.

Отец Цзян спешил на работу. Каша была слишком горячей, что задерживало его. Цзян Сяои налил большую миску и поставил её в таз с водой, чтобы быстрее остыла.

Тыквенная каша была сладкой. Сахар, который дал Бай Цыму, Цзян Сяои уже спрятал, так что отец Цзян ничего не заметил. Когда он ел кашу, то не стал ничего спрашивать, только отметил, что сегодня она особенно вкусная. Он съел три большие миски и только потом ушёл.

Два малыша, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, уткнулись головами в миски и ели с аппетитом. Большая кастрюля снова опустела. Цзян Сяои помыл посуду, взял корзину и нож для рубки дров, собираясь идти за дровами.

— Идите сюда, — позвал он Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня.

— Старший брат, что такое?

— Хотите конфет? — спросил Цзян Сяои.

— Что? — воскликнул Цзян Сяосань. — Откуда конфеты?

Цзян Сяои раздал им по две штуки. Даже он сам не устоял перед молочными конфетами, что уж говорить о Цзян Сяоэре и Цзян Сяосане. У детей почти нет иммунитета к сладкому.

Один, съев конфету, начал учащённо дышать. Другой, словно обезумев, радостно запрыгал и заскакал, трясая головой. Казалось, этого было недостаточно, чтобы выразить свою радость, и он, смеясь и хлопая в ладоши, забегал по двору.

«Конфеты такие вкусные!»

Цзян Сяои, видя их радость, дал им ещё по две конфеты. Цзян Сяоэр, с одной конфетой во рту, посмотрел на две другие в руке. Его сердечко забило как сумасшедшее.

«Что сегодня за день? Сначала сладкая каша, а теперь столько вкусных конфет! Как во сне. Я сейчас от радости в обморок упаду».

<http://bllate.org/book/13701/1587412>